

Виктор Кротов

**Человек среди чувств.
Начало**

*Сказки и размышления
о внутреннем ориентировании*

Виктор Кротов
Человек среди чувств. Начало.
Сказки и размышления о
внутреннем ориентировании

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22036630
ISBN 9785448339752

Аннотация

В этой книге соединены образные сказки-притчи с размышлениями о том, что такое чувства, которые испытывает человек. Как они развиваются и как сам человек может в этом участвовать.

Содержание

Поговорим по-человечески	6
Мудробород	7
Механический механик	12
Сказодышащий дракон	14
Начало	15
Глава 1	16
Страшное слово: философия	16
Краб Цап и его семья	17
Магнитный челнок	19
Страна бесчисленных подробностей	21
Откуда берутся учения?	23
На чём лежит дорога	24
Природный полиглот	27
Научный заменитель мудрости	29
Самоцвет и мозаика	30
Открыватель Западного полюса	33
Помощь в ориентировании	34
Разговорчивый клубок	34
Регулировочные птицы	38
Склад кладов	41
Помощь в осмыслении	43
Дом о семи этажах	45
Сирены-спасительницы	47

Права личности перед учениями	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Человек среди
чувств. Начало
Сказки и размышления
о внутреннем
ориентировании**

Виктор Кротов

© Виктор Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-3975-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке картина Валерия Каптерева «Античный мотив».

Поговорим по-человечески

Да-да, по-человечески. Здравствуй, близкий моей душе читатель. Близкий уже тем, что взялся за эту книгу. Устраивайся с ней поудобнее, и вот тебе для начала сказка про Мудроборода. Рискованная для автора сказка. Может быть, после неё ты как раз и бросишь книгу. Но я всё равно должен рассказать её тебе.

Мудробород

Жил да был в древние времена один преисполненный знаний старец. Звали его Мудробородом. Ведь носил он длинную-длинную бороду – это раз. Перечитал почти все книги на свете – это два. И занимался только тем, что думал о жизни, – это три. Тут уж хочешь, не хочешь, а будешь мудрецом.

Так размышлял юный искатель истины по имени Кесион – тонкий, взлохмаченный и розовощёкий, – который только что подошёл к домику Мудроборода.

Домик был небольшой, но всё-таки домик – не пещера и не убогая хижина. Впрочем, его трудно было рассмотреть среди задумчивых берёз и взъерошенных лиственниц. Даже трава был такой густой, что доставала до самых окон. А из травы тянулись необычные цветы, каких Кесион никогда раньше не видывал. Сам Мудробород сидел на ступеньках крылечка, увитого диким виноградом, грелся на солнышке и спокойно поджидал, пока гость подойдёт поближе. Одет он был совсем обычно, но кто же знает, должны ли мудрецы надевать специальную форму, как врачи или солдаты, чтобы все узнавали их издали.

Хватит и бороды, решил Кесион. Вон, она у него до пояса. У самого юноши борода ещё не очень-то росла, и он этого слегка смущался, так же как способности то и дело краснеть. Вот и сейчас он залился краской, поздоровавшись с мудре-

цом и стараясь убедительно объяснить, почему осмелился его побеспокоить.

– Понимаете, все вокруг думают только о том, как заработать, да что купить, да где время повеселее провести. Но ведь есть какие-то главные вещи! Очень хочется узнать, как жизнь на самом деле устроена. Вы простите, что я без приглашения заявился. Вы же отшельник...

– Так меня называют, – кивнул Мудробород, – но сам бы я сказал, наверное, «пришельник». Я ведь здесь прихожу постепенно к настоящей жизни. А ты ко мне пришёл. Значит, тоже пришельник. Так что всё нормально. Если у тебя есть вопросы, я могу попробовать ответить на них. Пойдём вон туда, в сад.

Кесион шёл, оглядываясь по сторонам. Вокруг домика всё росло с какой-то особенной силой. Интересно, это старец выбрал такое место или оно стало таким, потому что он здесь живёт?

Сели они рядом на скамейке под яблоней, среди смородиновых кустов, и погрузились в беседу. Скоро Кесион понял, что Мудробород все его вопросы наперёд знает. И начал старец рассказывать всё, что о жизни понял.

...А чем больше он рассказывал, тем сильнее у него борода росла.

Вот почему у него такое прозвище было. Вот почему он отшельником жил, в тишине и молчании.

Сотой доли ещё не рассказал Мудробород самого главного, как оказались они с гостем запутаны в седых волосах: так стремительно за мудрой беседой росла борода. Спихватился юный искатель истины, с трудом из волосяных зарослей выпутался – и убежал восвояси. Решил, что лучше самому до истины добираться, пусть это и подольше будет, чем в чужой бороде застрять.

Учёная философия, исполненная эрудиции и важности, напоминает иногда такого Мудроборода. Для того, чтобы понять, о чём научный философ пишет в своей монографии, приходится порою потратить не меньше усилий, чем на изучение иностранного языка. И если потом обнаружишь, что никакой особой пользы не получил, только запутался в его бороде, остаётся бежать прочь и стараться забыть внушённый тебе язык, чтобы не утратить взаимопонимания с окружающими.

И в то же время – каким удивительным может стать знакомство с книгой классического философа! Только что имя его было для тебя затасканным до скукоты словом из словаря эрудитов: столько-то букв по горизонтали или по вертикали. И вдруг – живой разговор с искренним и пронизательным человеком, который вместе с тобой озирается по сторонам и находит важнейшие приметы верного пути.

Словно существуют две совершенно разных философии. От одной хочется сбежать побыстрее. В компании с другой

чувствуешь себя человеком. Если же философию считать единой, значит мир её достаточно широк, чтобы там было чего сторониться и к чему стремиться.

В этой книге я предлагаю тебе, читатель, сбежать от одной философии к другой. От философии научной, академической, университетской, стремящейся познать мир, – к философии практической, отзывчивой, пригодной для обычного живого человека.

Посмотрим, насколько нам это удастся. Это зависит от нас обоих. И если я не справлюсь с тем, что зависит от меня, то спасайся, читатель! Беги к другим книгам и к другим философам. Ищи своё и своих. Меньше всего мне хотелось бы запутать тебя в своих волосах. Ведь должен признаться, что у меня тоже растёт борода...

Но сколько бы ты не встретил неудачных книг и затруднительных для освоения философских теорий (которые тоже делают своё важное дело, хотя и не в прямом общении с обычным человеком), пожалуйста, не разочаровывайся в философии. О том, зачем она нам нужна и в каких обликах она нам является, я постарался написать в книгах «Человек среди учений» и «Человек среди религий». Основные мысли об этом будут вкратце приведены и в этой книге, но если она тебе надоест, попробуй заглянуть туда. Во всяком случае они меньше по объёму и могут оказаться для тебя интереснее, чем утолщённый «Человек среди чувств». Если так

и произойдёт (буду рад этому), почему бы тебе не вернуться потом снова сюда? Оставь здесь на всякий случай закладку.

Проще всего мне было бы объявить эту книгу психологической, и в какой-то степени это скорее всего и произойдёт, исходя из издательских соображений. Спрос на психологическую литературу гораздо больше, чем на философскую. Ведь нам свойственно думать, что в основном мы ориентируемся в жизни правильно, надо только отрегулировать некоторые психологические подробности душевного организма – и всё будет хорошо. Не менее соблазнительно считать, что можно овладеть инструментальными возможностями воздействия на других людей – и будет ещё лучше.

Здесь пора рассказать ещё одну сказку.

Механический механик

Один изобретатель сконструировал механического механика и назвал его ММ1. Этот ММ1 был уж так похож на человека, что не отличить, а в глазах у него были особые линзы. Глянет на любой механизм – и сразу видит, что у него внутри не так. Вжик! – и тут же починит.

Потом решил изобретатель приспособить своего механика животных лечить. Что-то там перепаял, вставил другие линзы в глаза. Глянет ММ1 на любое животное – и сразу видит, что у него внутри не так. Вжик! – и тут же вылечит.

Что ж, думает изобретатель, пусть он и людей лечит. Что-то перепаял, вставил новые линзы: получилось. Глянет ММ1 на человека – и сразу видит, что у него внутри не так. Вжик! – и тут же вылечит.

Тут одной больнице понадобился врач-психотерапевт. А директор больницы как раз с этим изобретателем был знаком. Просит: переделай, мол, своего врача в психолога. Ладно. Перепаял ещё что-то, новые линзы в глаза поставил. Глянет ММ1 на человека – и сразу видит, что в его душе творится. А потом плечами пожмёт и в сторону отходит. Что там есть – всё понятно. А вот что должно быть... Кто же, кроме самого человека, это поймёт?..

Пришлось изобретателю опять своего механика на обычного врача перепаяивать.

У немеханического психолога тоже положение сложное. Пока он сквозь свои особые линзы в человеческую душу заглядывает, он много интересного может увидеть и рассказать про то, что там происходит. Но вот что должно в этой душе происходить?..

Здесь психолог или пожимает плечами и отходит в сторону, или (может быть явно, но чаще тайком, чтобы не уронить престиж своей специальности) берёт на себя решение философских задач. Тех задач, которые нужно решать самому человеку.

Впрочем, в том ли загвоздка, чтобы правильно определить жанр книги? Одно из двух: либо она тебе пригодится, читатель, либо нет. Почитай, полистай, подумай. А я постараюсь, чтобы это занятие было для тебя достаточно оживлённым. Заскучаешь – читай одни сказки. Например, вот эту, подчёркивающую всю серьёзность моих намерений:

Сказодышащий дракон

Однажды в один город прилетел дракон. Разинул пасть – и как дыхнёт!..

Сначала все подумали, что огнём дыхнул. Глаза от ужаса зажмурили. Потом чувствуют, что жара нет никакого, стали вокруг посматривать. Но дракон вовсе не огнём дыхнул, а сказками. Скоро весь город ими наполнился.

Детям веселье. Кричат: «Дракончик, милый, оставайся! Ещё дыхни, а то без тебя скучно!» Зато взрослым трудно жить стало. Не разберут: что сказочное? что всамделишное? Кулаками трясут на дракона: «Лети отсюда! Ишь раздышался!»

Захохотал дракон: «Я тоже сказка. Кому не нравится, не обращайтесь внимания». И новыми сказками дыхнул.

Начало

Бегство от философии

Убегать от философии мы будем неторопливо, внимательно на неё оглядываясь. Надо же знать, от чего убегаешь и стоит ли это делать. Может быть, кое-что из этой мудробородой философии стоит прихватить с собой?..

Глава 1

Человек среди учений

«Человек среди учений» – это отдельная книга, со своими размышлениями и со своими сказками. По её мотивам и написана эта глава.

Сделано это по трём причинам.

Во-первых, не хочется начинать книгу с того, чтобы отсылать читателя к другой книге, которой может и не оказаться поблизости. Но ведь именно в той книге начат общий разговор о философии.

Во-вторых, сейчас нам нужно побывать среди учений лишь для того, чтобы потом оказаться среди чувств. Другая задача – другой и разговор.

В-третьих, всё на пользу. Если здесь удастся что-то сказать лучше, чем там, – хорошо. Если что-то сказалось там лучше, а здесь прозвучит лишь намёком, – тоже неплохо. Тут уж можно кивнуть на книгу, где больше подробностей. Да и сказки там другие.

Страшное слово: философия

Философия всегда пугала обычного человека. То она уходила в леса, в пустыни или в пещеры, то селилась в бочке и призывала жить по-собачьи, то бралась переделывать

мир, так что щепки летели... Человеку спокойней обходить-ся собственным здравым смыслом, чем позволить завербовать себя какому-нибудь велеречивому учению.

Тем не менее, нередко случается так, что человека перестают удовлетворять уютные границы житейских суждений и собственной сообразительности. И тогда он начинает задаваться вопросом: а что же такое эта самая философия? Может ли она мне чем-нибудь пригодиться?

Но кому он будет задавать этот вопрос? Одному из философских учений? Не оказаться бы ему в положении краба Цапа, который заинтересовался тем, что такое человек.

Краб Цап и его семья

Давно уже крабу Цапу было любопытно, что же такое человек, о котором так любят порассуждать старые замшелые крабы. Многие из них хвастались, что имели дело с человеком, но каждый говорил о нём своё.

Тут ещё и детки Цапа стали упрашивать папу поймать им хоть какого-нибудь человечка, чтобы рассмотреть его как следует. А понравится – так и поиграть с ним.

В общем, всё подошло к тому, что пора с человеком разобратся и понять, что же это такое.

Подстерёг краб Цап человека, ухватил его покрепче и тянет к себе. А человек тянет к себе. Оказывается, он тоже хотел краба поймать. Так крепко вцепился – не отцепишь. На-

верное, от страха. Тянут друг друга и тянут.

В конце концов крабу стало жалко человека с его судорожной хваткой. Ведь кто поумнее, всегда должен уступить. Вот Цап и отпустил человека. Оставил клешню в его руке и вернулся к своим. «Молодец, – сказала жена. – Клешня отрастёт, а без человека вчера обходились и завтра обойдёмся».

Всё это забавно, пока мы ощущем себя в роли человека. Но перед любым философским учением мы оказываемся скорее в роли краба, самоуверенно проявляющего интерес к наклонившемуся над водой краболову.

О да, любое учение старательно объяснит нам, что такое философия. Что такое философия в понимании самого этого учения. Оно обучит нас тому языку, на котором будет дано нужное объяснение, и постепенно обнаружится, что это и есть язык объясняющего учения. Потратив необходимые силы на постижение этого языка, будем ли мы с таким же энтузиазмом изучать язык другого учения, которое на своём языке могло бы объяснить нам, что такое философия с его точки зрения? Хватит ли крабу клешней на каждое из крабоуловляющих учений?..

Мне, человеку, не хотелось бы переходить на язык того или иного учения, пока я не понял, нужно ли мне это учение. Тем более – пока я не понял, нужно ли мне вообще какое-нибудь из учений. Пока не понял, для чего нужна философия. Если это вообще возможно вне цепких объятий од-

ного из учений.

Да уж наверное возможно!

И уж наверное ответ на вопрос о том, для чего нужна философия, должен быть простым и понятным.

Например, таким:

Философия нужна, чтобы ориентироваться.

Или чуть длиннее, но зато и точнее (отделяя от задач философии умение ориентироваться в тайге или в бытовой электронике):

Философия нужна, чтобы ориентироваться в главном.

Осознав это для себя, мы можем обратить внимание и на то, как нам могут помочь философские учения. Какую чашу каждое из них может предложить для нашего магнитного челнока.

Магнитный челнок

Древний правитель Тар захотел повидать северные края. Подарил ему знакомый китайский купец челнок величиной с палец и сказал: «Если не у кого будет спросить, где север, положи челнок в чашу, он тебе покажет».

Достиг Тар со своим отрядом и свитой пустынных мест. Требуется у своих советников принести ему чашу для указа-

тельного челнока.

Один советник принёс ему чашу, разрисованную зверями. Положил на дно челнок, повернул носом к дракону и говорит: «Опасности у нас впереди. Надо обратно возвращаться».

Другой принёс чашу, расписанную цветами, положил в неё челнок и спрашивает: «Выбирай, правитель, куда пойдём: к розам или к лилиям?»

Третий советник взял самую простую чашу, безо всякой росписи. «Раз это челнок, – говорит, – значит, плавать должен.» Налил в чашу воды, пустил челнок, тот сразу носом на север и повернулся.

Компас показывает на север. Слово «ориентирование» (ключевое для философии) содержит в себе «восток». Но сама человеческая потребность в ориентировании намного шире, глубже и выше любой географической устремлённости.

Потребность в ориентировании свойственна всякому существу, не только человеку, однако только у человека она охватывает, кроме всего остального, и углубление в свой внутренний мир, и тягу к духовным высотам.

Все знаменитые философские вопросы – что такое жизнь? что такое человек? для чего мы живём на свете?.. – побуждают нас обратить внимание на главные для нас проблемы, на выбор своего отношения к ним, своего пути среди них.

А значит – обратить внимание и на иерархию явлений, с которыми мы имеем дело. Чтобы ориентироваться в главном, необходимо ориентироваться и в том, что же для нас главное.

Впрочем, философию (точнее, философствование) можно развивать или диагностировать повсюду. Можно обсуждать «философию муравейника» или «фмлософию улья», можно построить стройную и эффектную «философию бирюлек» или «игры в бисер». Но скорее всё-таки именно от такого рода философий (точнее, философствований) – от *философии неглавного* – как раз и нужно спастись.

Страна бесчисленных подробностей

Грентий Грен нашёл однажды в земле на огороде обрывок древнего пергамента. Там было написано какое-то незнакомое слово. Прочитал Грен его вслух – и вдруг очутился в неизвестной стране. «Ха! – подумал он. – Как же теперь отсюда выбраться?»

Смотрит Грентий Грен: повсюду указатели висят. Полегче ему стало. По указателям ведь всегда куда-нибудь доберёшься. Вот только указателей было по сотне на каждом столбе – попробуй найди среди них что-нибудь полезное.

Ещё увидел он множество киосков, где продавали газеты толщиной с книгу и журналы толщиной с энциклопедию. Здорово! – там и туристические карты ещё продавали, да

ещё за рубли (хорошо, что у Грена кошелек в кармане лежал). Только и карты ему не помогли: у них такой крупный масштаб был, что легче было вокруг поглядеть, чем на карту. Обозначение киоска на карте ненамного меньше места занимало, чем сам киоск.

Тогда Грен прохожего остановил, спрашивает, как из их страны выбраться можно. Тот обрадовался и начал всю тысячелетнюю историю своей страны с самого начала рассказывать, со всеми деталями. Еле спасся Грентий Грен.

Хорошо, что он догадался нищему в шапку все свои деньги из кошелька вытряхнуть. Подмигнул ему нищий и шепчет: «Подпрыгни повыше».

Грен уже на всё был готов. Собрал все силы, подпрыгнул — и оказался на своём огороде.

Хотел Грентий Грен пергамент обратно в землю закопать, и того уже и нету.

Вообще-то все мы то и дело оказываемся в стране бесчисленных подробностей. Кое-кто живёт в ней и вовсе безвылазно. Но это не наша страна, даже если мы там можем рублями расплатиться и газету прочесть. Благополучно философствовать о жизни в этой стране страшнее, чем вообще не философствовать. А та философия, которая подскажет нам подпрыгнуть вверх, может быть и философией называться не будет.

Так что не будем очень уж бояться слова «философия».

Гораздо страшнее, если нам не хватит сил на прыжок.

Откуда берутся учения?

Наивно было бы думать, что философские учения находят в капусте, пусть даже какого-нибудь особого, философского сорта. Или что их приносят некие философские аисты. Всякая философия начинается с человека, с его стремления ориентироваться в главном.

Не столько философия учит человека жизни, сколько человек даёт жизнь философии – своими наблюдениями, своим внутренним опытом, своими размышлениями. Без этого никакая философия невозможна.

Философское творчество – не удел избранных. В том или ином объёме оно неизбежно присутствует в жизни каждого человека. Наше стремление к истине – это наше философское творчество. Наше отношение к миру – это наше философское творчество. Выбор из множества жизненных забот наиболее важных для себя – это наше философское творчество. И всё наше поведение – результат этого творчества.

Философия всегда начинается с личности. Если человек, в своём стремлении к ориентированию, обнаруживает что-то, полезное и для других, то его философское творчество выплёскивается наружу, поступает в общее обращение. Открытые человеком ориентиры и навыки ориентирования перенимают, усваивают, используют. Великое множество фи-

лософских открытий делали и делают люди, авторство которых остаётся неизвестным. Некоторые из этих открытий становятся привычными, как воздух. Другие со временем забываются, чтобы позже быть открытыми заново.

Иногда философское творчество становится для человека его призванием.

Если его озарения и работа его мысли восприняты как нечто значительное, со временем эстафету подхватывают те, кто пропагандирует, комментирует и систематизирует философские находки. Да и каждый, кто говорит найденному ориентиру своё «да», участвует в формировании, развитии и укреплении той системы ориентирования, которую принято называть философским учением.

А дальше... Одно учение может послужить узкой группе единомышленников и угаснуть вместе с её распадом. Другое может охватить миллионы людей и сохранять актуальность на протяжении столетий. Но и началом учения и основным полем его деятельности всегда является частное, индивидуальное, личное мировоззрение.

На чём лежит дорога

С давних пор стояла среди лесов да лугов чья-то небольшая избушка. Вела к ней от большой дороги одна лишь узкая тропинка. Опушками пробегала, болотце огибала, на холм взбиралась.

Потом появились возле той избушки и другие дома. Была избушка, стала деревенька. И тропинка пошире стала, в дорожку превратилась. Но по-прежнему опушками пробегала, болотце огибала, на холм взбиралась. Как первый житель путь натоптал, так и остальные ходили да ездили.

А потом в той деревеньке решил один богатей поселиться. Бумажник достал – раз! – и каменный дом вырос, поодаль от остальных. Сияет, сверкает, лучи отражает. «Такой дом у меня особый, – думает богатей. – Надо и дорогу к нему особую проложить.» Бумажник достал – раз! – вот уже и дорогу строят. Не простую, трёхслойную. Снизу супер-щебень, на нём супер-бетон, а сверху супер-асфальт. Прямая дорога, ровная, прямо к каменному дому подводит.

Прошёл год-другой. Приехал богатей после заграничных странствий к своему дому, а подъехать к нему не может. Где дорога накренилась, где покосилась, где вовсе провалилась. Бросил он свой автомобиль, пошёл по той дорожке, что опушками пробегала, болотце огибала, на холм взбиралась. Оглядывает её, ногой по ней топает. «Как же так? – вздыхает. – На моей дороге снизу супер-щебень, на нём супер-бетон, сверху супер-асфальт, да вот провалилась. А этой хоть бы что».

Тут один из деревенских жителей мимо проходил, говорит: «Что удивляешься? Наша дорога на самой первой тропинке лежит. Это попрочнее всех твоих трёх слоёв будет».

Путешествуя на машине времени, можно было бы стать свидетелем зарождения учения, будущее величие которого нам уже известно. Но в реальной нашей жизни мы обычно встречаемся с учением зрелым, имеющим солидную историю и сложившийся язык, на котором оно говорит с человеком о том, какие явления для него важнее всего и как среди них ориентироваться.

И у каждого учения – свой круг представлений о главном, свой язык описания этих представлений. Каждое учение окружает человека своим пониманием его проблем, предлагает ему свой круг понятий, приучает к своему стилю мировосприятия.

Каждое учение говорит с нами на своём языке. И чтобы мы что-то могли понять, предлагает нам прежде всего овладеть этим языком.

С другими учениями оно тоже говорит на своём языке. Оно по-своему трактует предшественников, по-своему интерпретирует современников, а главное – по-своему, на этом самом своём языке, опровергает и бранит все другие учения. В лучшем случае – игнорирует их или объясняет, что они говорят о том же, только не так внятно.

Получается, что философия представляет собой обширное островное государство, где на каждом острове свои нравы, традиции и свой государственный язык, считающий себя самым лучшим. Не очень хочется вспоминать об этом, но ведь многие из этих государств к тому же неумоимо во-

юют друг с другом.

Как же быть обычному человеку в этом разноречивом мире? Не единственное ли спасение – стать таким, как Эз?

Природный полиглот

Нелегко жилось Эзу. То ли не везло ему, то ли не понимал он чего-то в жизни, да вот жилось нелегко.

Но вот однажды упал ему в руки осенний лист, весь в прожилках, в узорах – словно в письменах. Присмотрелся Эз, стал понемногу слова разбирать. Так и научился читать осенние листья. Поэтому осенью ему стало жить особенно интересно. Весь год осени дожидался.

Потом решил: чего ж дожидаться? Выучил ещё белый язык зимы, разноцветный язык весны и зелёный язык лета. Выучил языки птиц и зверей. Вот и стал постепенно понимать язык всего, что происходит на свете. Такой замечательной жизнь у Эза стала – нескучной, удачливой, радостной. Он даже удивлялся, когда вспоминал: как же он раньше жил, пока всех этих языков не понимал...

Так вот, может быть, это и есть выход: терпеливо изучать языки всех учений, пока не научишься понимать каждое из них?

Вряд ли.

В отличие от Эза, с его *природными* языками, дополня-

ющими друг друга, мы можем таким путём повысить эрудицию, расширить интеллект, но не можем обрести гармоничную мудрость. Языки учений находятся не в гармонии, а в откровенном противоборстве, и соединить их в себе — непосильная задача для человека.

Нельзя сказать, чтобы учениям была чужда идея гармонического единства.

Ведь носителями каждого учения являются живые люди с естественным ощущением единой человеческой природы. Поэтому любое учение преисполнено тоской по единству, по тому, чтобы пробиться к общей для всех истине, которая соединяла бы нас друг с другом, а не разъединяла. Но неизбежная тяга к самоутверждению побуждает его призывать всех к объединению вокруг него самого, к разговору именно на его языке.

Получается, что зарождаясь из личных идей, из внутреннего опыта отдельного человека, учение, становясь учением, может ради собственного самоутверждения пренебрегать интересами человека, к которому оно обращено. Иногда учение, утвердившись на социальном уровне, превращается в идеологию, которая вообще теряет интерес к отдельному человеку.

Но мы-то, люди, остаёмся людьми!

Мы можем выбирать среди учений не то, которое заиклено на собственном самоутверждении, а то, которое стремится помочь мне решать мои проблемы.

Не то, которое будет обольщать меня, а то, которое стремится стать для меня полезным.

В конце концов, если учения, как сверкающие лаком и рычащие автомобили, образуют в своем извечном соперничестве на пути к истине громадную дорожную пробку, у меня всегда остаётся возможность вылезти из попутной машины, которая взялась меня подвезти, и зашагать пешком туда, куда я хочу добраться.

Так что каждый человек первичен, каждое учение вторично. И не столько человеку нужно овладевать языками учений, сколько любому учению необходимо овладевать человеческим языком.

Научный заменитель мудрости

То, что философия нужна человеку, чтобы ориентироваться в главном, — мысль простая и естественная для самого человека. Она могла бы стать основой общего исходного языка философии, но этого не случилось, и человеку приходится самому помнить о своих интересах. Тем более, что философия предлагает ему вместо общего языка нечто другое.

Это «нечто другое» можно назвать *философоведением*. Классифицируя философские учения, исследуя их историю, анализируя философские понятия, философоведение создаёт ощущение, что у философии всё-таки существует общее ядро. Подменяя мудрость эрудицией, оно заставляет нас ду-

мать, что мы владеем тем, о чём знаем. Препарируя взгляды любого мудреца логически, оно пытается приучить нас к тому что логики вполне достаточно для понимания любой философской мысли.

Философование строит схемы, каждую из которых старается выдать за подлинную картину философии. Но можно ли этой схемой заменить хотя бы одно из входящих в «общую картину» учений?

Самоцвет и мозаика

Нашёл Авер однажды самоцвет. Глядит на него, не наглядится. Так у себя на столе перед глазами и держал его. Взглянет на камень – и радостнее жить становится, и новые мысли в голову приходят. Но приятель Авера, художник Овер, всё-таки у него это самоцвет выпросил.

– Понимаешь, Авер, я такую картину из самоцветов делаю, такую мозаику! Одного только камня мне не хватало, как раз вроде этого. Дай мне его, посмотришь, как красиво будет, не пожалеешь. А пожалеешь – верну.

Через некоторое время Овер позвал Авера смотреть картину. Картина и вправду замечательная получилось: в космическом пространстве звёзды и планеты летят, каждая по-своему сверкает. А в одной из планет Авер свой самоцвет узнал. Только ни радости от него здесь, ни новых мыслей. Всё в космосе растворяется.

Попросил Авер свой камень назад – и снова тот перед ним на столе засиял, как прежде. И жить радостнее, и думается лучше. И в одном этом самоцвете Авер целый космос видит.

Овер, кстати, тоже не очень огорчился. Он ещё лучше камень подыскал для этой планеты на своей картине. Все, кто его мозаику видел, были в восторге.

Аверу повезло ещё, что его самоцвет не стали обтёсывать и шлифовать. Философование усердно и в этом. Поэтому при знакомстве с результатами его деятельности нужна особая осторожность. Изображение учения всегда отличается от оригинала, но иногда может отличаться очень уж сильно.

Всё осложняется ещё и тем, что философование существует не само по себе. Многие учения считают делом своей чести самостоятельно заниматься воссозданием общефилософской панорамы. Это неминуемо превращается в создание исторического пьедестала для собственных достижений. Понятно, что такой пьедестал – неплохое приобретение для учения. Но понятно и то, что он лишь затрудняет ориентацию для человека, который ещё не стал приверженцем какого-либо учения.

Одновременно с заменой живой мудрости набором логических схем философование превращает каждого философа-мудреца в декоративную мумию, пусть даже священную. Нас знакомят с философом как с некоторым итоговым авто-

ритетом, отбрасывая как раз то, что роднит с ним человека, ищущего свой путь: индивидуальную потребность во внутреннем ориентировании.

Если философование не служит какому-либо из учений, это ещё не означает, что оно проникнуто заботами человека о поиске жизненного пути. Гораздо больше оно будет озабочено *научностью* своих изысканий. Личности у него становятся именами, поступки превращаются в факты, вехи судьбы – в даты, озарения приравниваются к концепциям. Оно выстраивает философов по школам, ранжирует учения географически и хронологически, ведёт бесчисленные классификации, сплетая из них серую и скучную паутину. Научкообразные обобщения максимально обезличивают и философа, и человека, нуждающегося в философии.

Философование достаточно полезно – как сфера наблюдения за происходящим в философии. Но это польза скорее для человечества, нежели для человека. Впрочем, логические схемы добросовестного философования могут хотя бы обозначить предварительные направления возможных поисков для того, кто очень настойчив и умеет пользоваться схемами.

Можно назвать философование кладовщиком, подыскивающим место на своих полках-концепциях для всего, с чем имеет дело. Но можно назвать его и стражем сокровищницы. Сокровищницы человеческой мысли, в которой каждого ждёт предназначенное ему богатство. Такое богат-

ство, которое забирает кто может, но сокровищница от этого не скудеет. И всё же нам нужен не страж, а сокровища.

Открыватель Западного полюса

Когда Эйн вырос, он очень огорчился, что всё самое интересное на Земле уже открыто. И Северный полюс открыт, и Южный. А ему так хотелось бы хоть какой-нибудь полюс самому открыть!..

Подумал, подумал Эйн и решил открыть Западный полюс. Двинулся на запад. Долго путешествовал, а потом обнаружил, что он уже на Востоке. Ну что тут будешь делать?

Да только Эйн очень настойчивым был. Снова отправился на запад. Остановился в одной стране, уточнил в путеводителе, что она самая что ни на есть западная, и открыл ресторанчик под названием «Западный полюс». Все стены в нём были географическими картами разрисованы.

Народ к Эйну просто валом валил. Всем хотелось узнать, что такое Западный полюс – а заодно про Северный, про Южный и про Восточный. И каждый, кто хоть раз побывал у Эйна, с гордостью называл себя западными полярниками.

Так вот обстоит дело и с философованием. В этом ресторане могут и накормить очень даже неплохо, и «западный полярник» звучит замечательно, и карты на стенах весьма полезные. Просто настоящие путешествия разворачиваются

совсем в других местах.

Помощь в ориентировании

Хочется не зависеть от языка того или иного учения до тех пор, пока мы не поняли, какое из них больше всех способно помочь нам ориентироваться. Хочется не зависеть в своём выборе и от инвентарно-отстранённого языка философствования. Хорошо бы обзавестись на первых порах маленьким внутренним разговорником, который помог бы разбираться: кто и как предлагает нам помощь в ориентировании. Пусть в нём будем всего лишь несколько понятий, связанных с ориентированием, но это будут понятия не для убеждения, а для понимания.

Этот краткий разговорник станет нашим вопросником для любого учения, заинтересовавшего нас. Он позволит сравнивать и выбирать. Он позволит нам оставаться независимыми до тех пор, пока мы не решим для себя: вот, это моё. Да и после этого он останется достаточно полезным, помогая понимать другие учения и преданных им людей.

Разговорчивый клубок

Один молодой человек по имени Ним хотел жениться, только не знал, как же себе жену найти. Хорошо, что он был знаком с волшебником. Тот подарил Ниму путеводный

клубок, который должен был рано или поздно привести его к суженой.

Клубок этот ещё и разговорчивым оказался. Так что бродить по свету им было не скучно. Вот только не мог Ним понять: знает клубок, куда катиться, или наугад путь выбирает. А если Ним встречал всё-таки симпатичную девушку, клубок всегда в разговор вступал и всё дело портил. То проболтается, что Ним человек небогатый. То ни к селу ни к городу сообщит, что Ним во сне храпит. То ещё какую-нибудь ерунду намелет.

Девушки – люди чувствительные. Одной одна клубочная фраза не понравится, другой другая. Обижались они, и приходилось Ниму дальше идти. «Нам дальше и надо,» – говорил клубок, но Ниму казалось, что он просто хочет оправдаться.

Но вот одна из встреченных девушек, как только клубок начал разговаривать, схватила его и связала из него шарфик для Нима. «Будем мы ещё к мотку шерсти прислушиваться! – фыркнула она. – Лучше давай поженимся». Ним от удивления согласился. Надоело ему уже бродяжничать.

Только пока готовились они к свадьбе, Ним понял, что с такой женой ему не ужиться. Очень уж она приказывать любила. Распустил он шарфик, смотал нитку в клубок и говорит: «Ты уж прости меня, клубочек. Пора дальше идти». Отправились они дальше.

Много времени прошло, пока Ним встретил такую девуш-

ку, которую сразу же полюбил всем сердцем. Говорит клубку: «Только помалкивай, пожалуйста, не говори лишнего». А клубок болтает по-прежнему, что ни попадя. Правда, девушка тоже Нима полюбила, и на болтовню клубка только улыбалась.

Поженились они, короче говоря, а клубок к волшебнику вернулся. Но любил иногда закатиться к ним в гости и напомнить, что это он их сосватал. Ним с ним не спорил, хотя ему по-прежнему казалось, что клубок наугад путь выбирал.

Что и говорить, волшебный клубок – это неплохой вариант ориентирования.

Но вернёмся к нашему краткому разговорнику, который, может быть, и нужен как раз для того, чтобы со временем обзавестись собственным волшебным клубком.

Какое слово будет первым в этом разговорнике? Может быть: слово *ориентир*? То, что помогает понять, где мы находимся, помогает выбирать направление движения. Или, может быть, ещё важнее понятие о *средствах ориентирования*? То, что позволяет нам выбирать ориентиры. То, благодаря чему мы можем пользоваться ими.

Именно этого, наверное, мы вправе ожидать прежде всего от любого учения: разговора о том, какие возможности ориентирования имеются в распоряжении у человека. Какие из них наиболее надёжны, насколько мы можем доверять им и дополнять одни из них другими.

Средства ориентирования – это те наши навигационные приборы, на указания которых учение советует нам обращать наибольшее внимание. Что для нас важнее: человеческий разум? инстинкт? интуиция? воля? вера? откровение? логика? наука? традиция? общественное мнение? житейский или духовный опыт?.. Пусть учение скажет, на что оно советует нам опираться, чему доверять и как этим пользоваться. Без этого трудно понять что к чему.

А после этого зайдёт разговор об ориентирах. О тех признаках, знаках, явлениях и суждениях, которые нужны нам, чтобы с помощью наших средств ориентирования выбирать свой путь. Ориентир – это всё, что помогает выбору направления.

Ориентиры могут быть внутренними для человека или внешними. Они могут быть близкими и далёкими, достижимыми и недостижимыми, прямыми, косвенными или даже обратными. Ведь представление о том, от чего нужно уходить, тоже задаёт направление.

Мне важно, на каких видах ориентиров сосредоточено учение, которое предлагает мне свою помощь. Важно, чтобы эти ориентиры годились для меня, чтобы я мог пользоваться ими. Если они хороши для самого учения, хороши для тысяч последователей, но плохо различимы для меня самого, мне останется лишь идти по натопанному этими тысячами следу. Будет ли этот путь моим?

Мне важно, насколько устойчивы мои ориентиры. Чтобы

среди них были такие, которых хватит надолго, а лучше – навсегда. Если учение знает о неких особых *сверхориентирах*, расскажет ли оно мне о них или предложит лишь прислушиваться к авторитетам, которые о них знают?

Регулировочные птицы

Путешественник Раниоз приехал на своём автомобиле в далёкий город. Едет по улицам, видит – дорожными знаками здесь служат попугаи. Один кричит: «Поверни направо!», другой: «Стой, пропусти прохожих!», третий: «Разворот!» Ладно, попугаи так попугаи, только ведь они ещё с места на место перелетают. Да и не слушает их никто.

Спросил Раниоз у полицейского, как же быть. «Разве вас не предупредили? – качает тот головой. – Попугаи у нас раньше знаками служили, да от рук отбились. Не обращайтесь на них внимания. Теперь мы искусственных сов развесили, но их только в особые очки видно, чтобы с попугаями не путать. Вот вам очки».

Теперь Раниоз заметил, что все водители в очках. Надел очки – и сразу увидел развешанных повсюду металлических сов с надписями и стрелками. Но не успел порадоваться, что теперь всё понятно, как ему другой полицейский свистит. «У вас что, предупредительного скворца в машине нет? – спрашивает. – Все стоят, а вы едете!»

Оказалось, что здешние водители особый радиосигнали-

затор используют — в виде скворца, который свистит, когда остановиться можно, а когда ехать надо. Это у них вместо светофоров действует. Поставили и Раниозу такого скворца. Только он уже только о том и думал, как бы скорее из города выехать.

«Не знаю, какие ещё птицы у них движение регулируют, — говорил Раниоз сам себе. — Лучше в другое место поеду, пока до аварии не дочирикался».

Можно ожидать от учения, что оно, опираясь на выбранные средства ориентирования, предложит нам определённые *способы ориентирования*. Оно подскажет там, как применять известные нам средства ориентирования, как искать нужные ориентиры, как пользоваться найденными ориентирами, как избегать иллюзий и заблуждений, то есть ложной ориентации. Здесь решается главный вопрос: будут ли эти способы ориентирования пригодны для меня и моих проблем?

Если учение не особенно озабочено тем, чтобы дать мне инструментарий для самостоятельного освоения, если он не доводит свои теоретические предпосылки до возможностей практического применения, не совсем понятно, что же мне делать с его построениями.

Учение может смотреть на человека сверху. Оно может предлагать способы ориентирования как бы в виде самих ориентиров, выбранных заранее. Оно может просто дикто-

вать человеку необходимые сведения об устройстве жизни, диктовать правила поведения, обязательные нормы и догматы. Оно может считать себя единственно возможным, хотя для свободного человека это лишь одна из многих возможностей, среди других возможностей, предложенных другими учениями.

Учение может смотреть на человека искоса. Оно может прибегать к самым различным приёмам передачи информации. Но человеку всё равно нужно понять его особенности и сравнить их с другими подходами. Для каждого способа ориентирования, который вроде бы не изложишь словами, возможен хотя бы комментарий. И всегда можно примерить тот или иной способ ориентирования к своим внутренним потребностям. Наш внутренний мир является той конкурсной площадкой, на которой встречаются учения, хотя бы они этой встречи или нет.

Зрелое учение постепенно создаёт из различных способов ориентирования свою *ориентирующую систему*. В силовом поле такой системы могут отступать на второй план собственные усилия человека по ориентированию, но это не лучший для него вариант. Ведь человеку нужна в итоге не система, а индивидуальная ориентация, определяющая его внутреннее существование.

Возникновение систем по-человечески естественно и необходимо. И вместе с тем человеку естественно и необходимо нарушать целостность любой системы, чтобы усво-

ить нужный ему смысл, чтобы получить настоящую пользу от содержащихся в ней находок.

Склад кладов

Иггер увлекался кладоискательством. Золота или драгоценностей ему, правда, находить пока не случалось, но старый топор в земле найти или запрятанную на праздничный день коробку конфет – это он мог запросто. К тому же он был уверен, что настоящие находки у него впереди, поэтому тренировался, как мог.

Однажды бродил он по лесу, присматривался, не заметно ли где какого-нибудь особенного места. Тут из-под куста гном вылез, спрашивает: «Всё клады ищешь?» – Кивнул Иггер, а гном приглашает: «Хочешь склад кладов посмотреть?» Только Иггер снова кивнул, как гном свистнул особым образом, и они ухнули прямо вниз, в подземный зал.

Ничего в этом зале не было, кроме шнурков, свисающих из дырок стене. Много-много шнурков, и к каждому бирка прикреплена с надписью. «Вот, – говорит гном, – мы клад на месте оставляем, где он спрятан, только шнурок сюда протягиваем, а на бирке пишем, что в этом кладе содержится. Каждую монетку, каждый бриллиантик знаем. Некоторые клады далеко лежат, а есть и совсем рядом. Дёрни-ка за этот шнурок!»

Дёрнул Иггер, и на другом конце звяканье раздалось –

то ли слышал он его, то ли почувствовал. «Сто червонцев звякают, – радуется гном. – Всё на месте, всё на учёте. Так что есть что искать. Желаю успеха!» Свистнул гном ещё раз, и очутился Иггер на прежнем месте в лесу, уже без гнома.

Да только он на складе зря время не терял. Глубину прикинул, к звяканью прислушался, направление определил. Не зря тренировался. Трёх дней не прошло, как откопал кожаный мешочек со ста червонцами. Смотрит: от мешочка шнурок вглубь земли тянется. Не стал Иггер его отвязывать. Положил вместо монет записку: «Спасибо за поддержание порядка!» – и снова мешочек в землю зарыл.

Вы скажете: Иггеру гном помог. Верно, помог – так же, как нам помогают ориентироваться самые разные люди. Им будет посвящено последнее слово нашего краткого словаря-разговорника, слово *ориентатор*. Оно применимо ко всем, кто реально помогает нам ориентироваться в главном, но для учения это понятие звучит иначе.

Для учения ориентатор – это тот, чьи суждения и поступки оно считает наиболее надёжной основой для ориентации, кого оно признаёт и рекомендует как наилучшего помощника для любого из своих последователей.

Ориентатором может быть и пророк, и герой, и проповедник, и философ. Он свидетельствует о достоверных средствах ориентирования и ориентирах, способных помочь человеку в решении его главных проблем. Он выявляет, срав-

нивает, рекомендует. И хорошо, если не забывает, что главный предмет его забот – проблематика человека, наша общая потребность в ориентировании.

Сам человек имеет дело с великим множеством *возможных* ориентаторов.

И принимая кого-то для себя в такой роли, он уже осуществляет свой человеческий выбор. Не каждый ориентатор, предложенный учением, может помочь мне на моём пути. Это исходный выбор, который не обязательно будет увековечен на всю жизнь. Не каждый ориентатор, который помог мне вчера, сможет помочь мне завтра.

Наш минимальный разговорник может помочь нам расспросить любое учение, с которым мы встретились. Но это не означает, что учение поддержит разговор именно на этом нейтральном языке. Чаще оно будет вовлекать нас в разговор на своём собственном наречии. Нейтральный язык – в интересах человека.

Учению важно, чтобы выбрали именно его. Человеку важно выбирать свободно. Выбирать то, что нужно именно ему.

Помощь в осмыслении

Человеку свойственно переживать разные масштабы и курсы своего существования. Ощущать себя повелителем внутреннего мира или пленником внутренней камеры-оди-

ночки, гражданином своей страны или своего селения, членом сообщества или космическим существом. Придётся ли мне для каждого ракурса восприятия искать своё учение, которое поддержит меня именно в его осмыслении? Или одно учение поможет воспринять разные смыслы и увязать их друг с другом?

Смысл – это возможность осознанного движения среди тех явлений, с которыми мы имеем дело. Индивидуальное виденье смысла – это не столько личный взгляд на вещи и явления, сколько взгляд на себя среди вещей и явлений, среди всех остальных и всего остального.

Что же может дать мне учение, которое приходит извне? Чего мне ожидать от него? Что в нём искать?

Прежде всего мне нужен от учения некий опознавательный знак, некое созвучие моей душе, которое подсказывало бы, что это учение – для меня, что в нём накопилось, соединилось, переплавилось множество индивидуальных смыслов, созвучных друг другу, созвучных и мне тоже.

Дальше начинается его помощь в моей работе по добыче внутреннего смысла. Если учение способно помочь мне в составлении моей собственной мировоззренческой карты, у нас с ним всё в порядке. Но если оно может лишь накрыть мои наброски своими стандартными схемами, растиражированными на всех, такая подмена рано или поздно скажется на моей способности к ориентированию. Чему может научить учение, если оно учит меня обходиться без меня са-

мого?..

А потом нам с учением придётся пробиваться к смыслу на каждом из этажей.

Сколько мы увидим их, этих этажей? Три?.. Десять?.. Пусть будет, например, семь.

Дом о семи этажах

Вилон жил в необычном доме. Там было семь этажей, но только на первом была дверь, а на остальных только лестничные клетки с глухими стенами. Конечно, Вилону хватало одной двери и того мира, что за ней его ждал, но всё же ему было интересно: что за этажи такие над ним? Снаружи ведь их вовсе не видать.

Хорошо, что ему книжка попалась про то, как новые двери пробивать. Поднялся он на второй этаж с инструментами – и за дело. Пробил дверь, а за ней дорожка ведёт к соседнему дому, которого он, выходя из своей первой двери, никогда не видал. Оказалось, там такой замечательный сосед сосед живёт, что Вилон с ним на всю жизнь подружился.

Долго ли, коротко ли, да книжка про двери снова на глаза Вилону попалась. Взял он её и всё нужное, пошёл на третий этаж. Там целая дорога от двери вела. Вышел Вилон – а перед ним незнакомая страна лежит!..

Столько удивительных приключений у Вилона было – и на третьем этаже, и на всех остальных, что ни в сказке ска-

зять, ни пером не описать.

А уж когда он на седьмом этаже дверь пробил, такое там увидал, что ушёл и уже не вернулся.

Жаль, конечно, что книжку с собой забрал. Такая каждому пригодилась бы. Но, может быть, она своя для каждого?..

В нашей книге до седьмого этажа мы доберёмся ещё нескоро, но о некоторых этажах можно подумать уже сейчас.

Вот, например, этаж коллективного виденья смысла. Не заслонит ли учение мои интересы, интересы человека среди учений и человека среди коллективов, проблемами того коллектива, которому оно служит? Да, проблемы моего коллектива неминуемо становятся частью моих интересов, но это не означает, что я готов подменить одно другим. Если учение будет предлагать такую подмену, нужно быть начеку.

Этаж национального виденья смысла может быть значительным для меня, если мне хорошо знакомо чувство социальности, соединённости с другими людьми. Поможет ли мне учение освоиться на этом этаже? Если оно не учитывает национальные особенности индивидуального внутреннего мира, если уходит от осмысления национального виденья смысла, оно может оказаться не очень-то дееспособным для человека, живущего в резонансе со своей нацией, или для человека, столкнувшегося с окружающим его национализмом. Общечеловеческое не означает вненациональное, национальное органически входит в него – как часть челове-

ского опыта. Но всего лишь часть, которая не должна затмевать собой всё остальное.

С другой стороны, я могу быть равнодушен к социальным и национальным проблемам. Уважительно ли отнесётся учение к такой отстранённости или будет во что бы то ни стало навязывать мне национальные жизненные ориентиры? Если оно выдвигает национальное на первый план, если уходит от интересов реальной личности, если вменяет человеку готовые ориентиры вместо того, чтобы помогать его в освоении собственного маршрута, оно может действовать тем самым и против интересов человека, и даже против интересов нации.

От попадания в тупик спасает равновесие между разными виденьями смысла, исключающее заикливание на одном из них – например, на национальном, который может легко превратиться в националистический. Философия, поддерживающая такое равновесие, передаст его и нам. От философии, загоняющей в тупик – эгоцентрический, коллективистский или националистический, – лучше спастись, что есть сил.

Сирены-спасительницы

Бывает же так: пошёл Ваня собирать клюкву на болоте и заблудился.

Болото большое, топи вокруг, а тут ещё и туман спустил-

ся. Стоит Иван, не знает, куда шаг шагнуть.

Вдруг слышит Ваня голос неслыханной красоты. Поёт голос, зовёт – и так сладко, что ни о чём думать уже невозможно, только идти на этот голос, и всё. Ваня и пошёл, ни о каких топях не думая.

Шёл он, пока голос не замолк, тогда только остановился. А тут другой голос с другой стороны зазвучал. Ещё слаще прежнего. Хотел, не хотел Ваня, а ноги уже сами пошли на тот голос.

Только второй голос замолк, снова первый зазвучал. Нет, ничем он второму не уступал. Снова Ваня повернул туда, куда этот голос звал.

Так шёл он, шёл, то на один голос сворачивал, то на другой – пока не вышел на край болота, к лесной тропинке. Смотрит: две птицы сияющие на вершинах деревьев сидят, одна слева от тропинки, другая справа. Попрощались они с Иваном певучими голосами и улетели. А он пошёл домой, радуясь тому, как искусно они его среди топей провели и помогли выбраться на твёрдую землю.

Когда для нас становится важным чувство причастности не просто к коллективу или к нации, но к человечеству в целом, нам необходим исторический взгляд на мир. Учение помогает нам здесь не столько расширением наших знаний, сколько соединением частных фактов в общую траекторию. После этого дело человека – выработать своё отношение

к тем или иным событиям в жизни человечества. К событиям, происходившим когда-то, разворачивающимся сейчас или возможным в будущем. Но если учение не поддерживает внутреннюю связь человека с человечеством, то оно тем самым разрушает её или позволяет ей разрушаться.

Учение должно помочь мне увидеть и то, что вообще важно для целого, и то, что в судьбе целого важно для меня. Но именно помочь, не более того. Если эти ориентиры будут придуманными, искусственными, учение может выглядеть при этом даже особенно смазливо, как нарумяненная кокетка, но лучше мне тогда обойтись без него. Быть человеком в человечестве слишком насыщенная задача, чтобы позволить себе отвлекаться на выдумки.

Вместе с тем не устроит меня и учение, обожествляющее человечество, замыкающее на принадлежности к нему все смыслы жизни. Как не устроит и никакое другое *замыкание* смысла.

Если философия – это ориентирование в главном, то в любом смысловом поле она поможет нам дойти до наиболее высокого взгляда на наш путь в нём, поможет размыкать его вверх, а не замыкать в себе. Если для этого недостаточно помощи одного учения, мы вправе взять что-то и от других.

Ни одно учение не может претендовать на то, чтобы подчинить себе философию, общую хранилищу смыслов. И ни одно из учений нельзя отлучить от философии, не нанеся ей ущерба. Даже разрушительные учения нельзя игнори-

ровать. Можно просигнализировать: здесь тупик; нелепо кричать: не гляди в ту сторону.

Вот только и философское виденье не должно становиться самоцелью. Сделав свой выбор среди учений или балансируя среди них, мы всё-таки идём с их помощью дальше. Учения могут лишь подвести человека к его особым, личным постижениям и озарениям, к возникновению и к соединению смыслов в его душе. Учения могут сопровождать меня в пути, но путь этот – мой. И он по-своему соединяет меня с другими людьми, с человечеством, со всей вселенской жизнью.

Права личности перед учениями

Интересы любого из учений отличаются от интересов отдельного человека.

Это не упрёк таким-сяким учениям, а естественный факт, очень важный для каждого из нас.

А как само учение преодолевает эту сложность? Ведь интересы человека – это тот берег, от которой оно уходит в разведывательное плавание и к которому оно постоянно должно возвращаться.

Возвращаться с добычей: с теми ориентирами, которыми может воспользоваться человек в своей собственной жизни. С ориентирами реальными и достоверными.

Личные жизненные ориентиры – вот что больше всего

необходимо человеку от философии. Философия оживает лишь тогда, когда душа начинает понимать, куда ей стремиться.

Как учение сочетает эти интересы человека со своими собственными интересами, интеллектуальными, корпоративными или социальными? Ставит ли оно вообще перед собой эту задачу? Или выступает лишь в роли торговца на ярмарке мировоззрений, стремясь любыми средствами заполнить к себе побольше покупателей?

Если взглянуть на частые базарные склоки между конкурирующими учениями, эта «рыночная модель» может показаться вполне достоверной. Но дело тут скорее в социальных особенностях сосуществования учений, в корпоративных амбициях их приверженцев, нежели в сущности самих учений.

Если рассуждать по большому счёту, никакое уважающее себя учение не должно относиться к другим учениям как к соперникам. Будучи убеждённым, что только наше учение даёт правильную ориентацию, мы можем лишь сочувствовать чужим заблуждениям и ожидать неминуемого прихода остальных к тому, к чему мы уже пришли. А считая, что и другое учение может обладать своей правотой, мы подразумеваем возможность сотрудничества учений и их своеобразного разделения труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.